

UDC 94(477)

MICHALŠMIGEL¹, VYACHESLAV I. MENKOVSKIY²¹Matej Bel University, PhD (History), Associate Professor (Slovakia)²Belarusian State University, Dr (History), Professor (Belarus)

REFUGEES FROM EASTERN EUROPE IN CZECHOSLOVAKIA AFTER THE FIRST WORLD WAR

Abstract. *As a result of complex internal politics situation in the Russian empire – the World War, the February Revolution and the fall of monarchy were spreading – hundred thousands of inhabitants decided to leave the country. “The Russian emigration of the whole stage” or “The White emigration” (1917-1922) during the Civil war years has changed into a mass issue. Part of the refugees were headed east – to Manchuria and China, however, most of them preferred Europe, USA etc. For most countries of western and central Europe struggling with economic problems and social impact of the WWI, refugees – emigrants from Russia have become a burden that complicated to find a solution to own social-political and economic issues. At the time when the emigration wave from Russia affected several countries to a big extent, young Czechoslovak republic offered a different approach. The Czechoslovak government adopted a specific stance on a relation to “Russian” refugees – it started a goal-directed regulation of their influx in a effort to concentrate the best cultural powers in the country. In Czechoslovakia, probably the best conditions for emigration were created in a short time and a state plan of a huge financial aid for refugees called “Russian helping action” (1921-1937) was approved. Thanks to important material aid from Czechoslovak government and a moral support of political and social structures of Czechoslovakia, tens of Russian, Ukrainian and Belarusian institutions and organisations of culture-educational character were established in the country. Their purpose was to create spiritual and material values and secure spiritual and material needs of emigrants. Czechoslovak government viewed the “Russian” emigration as a factor of political and cultural life, taking traditional russophile moods of a big part of Czech and Slovak society and particular economic interests into consideration.*

Keywords: *Russian, Ukrainian and Belarusian refugees – emigrants, “White emigration”, Russian prisoners-of-war, repatriation, Czechoslovak “Russian Assistance Program”, Russian Empire, Czechoslovakia in the years 1920-1930.*

ШМІГЕЛЬ М.¹, МЕНЬКОВСЬКИЙ В.І.²¹Університет Матей Бела, кандидат історичних наук, доцент (Словацька Республіка)²Білоруський державний університет, доктор історичних наук, професор (Білорусь)

БІЖЕНЦІ ІЗ СХІДНОЇ ЄВРОПИ В ЧЕХОСЛОВАЧЧИНІ ПІСЛЯ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Анотація. *У зв'язку з загрозливою ситуацією у Російській імперії – по мірі розгорання пожежі світової війни, Лютневої революції й падіння монархії – державу стали залишати сотні тисяч громадян. Виникла так звана “Російська еміграція першої хвилі” або “Біла еміграція” (1917-1922 рр.), яка у роки громадянської війни набула великого розмаху. Частина біженців направилася на схід – у Маньчжурію та Китай, але основна маса попрямувала на захід – у Європу, США тощо. Для більшості країн Західної та Центральної Європи, що зіткнулися з економічними труднощами і соціальними наслідками Першої світової війни, біженці – емігранти з Росії були тягарем, що заважав вирішенню власних громадсько-політичних та економічних питань. У той час, коли хвиля еміграції з Росії торкнулася багатьох країн стихійно, молода Чехословацька республіка запропонувала інший вихід. Уряд країни зайняв особливу позицію у відношенні до “російських” біженців – почав цілеспрямовано регулювати їхній приток для того, щоб*

зосередити у державі кращі культурні сили. У Чехословаччині у короткі терміни були створені найбільш сприятливі умови для еміграції і утвердилася державна програма масштабної допомоги біженцям “Програма допомоги росіянам” (1921-1937 рр). Завдяки значній матеріальній допомозі чехословацького уряду і моральній підтримці чехословацьких політичних і громадських кіл, у країні були засновані десятки російських, українських і білоруських установ і організацій, які за своїм змістом носили культурно-просвітницький характер, а їхнім завданням було створення духовних і матеріальних цінностей й задоволення духовно-матеріальних потреб емігрантів. Уряд Чехословаччини розглядав “російську” еміграцію як фактор політичного і культурного життя, беручи до уваги традиційні русофільські настрої значної частини чеської та словацької громадськості, а також конкретні економічні інтереси.

Ключові слова: російські, українські і білоруські біженці – емігранти, “Біла еміграція”, російські військовополонені, репатріація, “Російська акція допомоги” в Чехословаччині, Російська імперія, Чехословаччина в 1920-1930-х роках.

ШМИГЕЛЬ М.¹, МЕНЬКОВСКИЙ В.И.²

¹Університет Матея Бела, кандидат исторических наук, доцент (Словакия)

²Белорусский государственный университет, доктор исторических наук, профессор (Беларусь)

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В связи с угрожающей внутривосточной ситуацией в Российской империи – в меру разгорания пожара мировой войны, Февральской революции и падения монархии – страну начали покидать сотни тысяч граждан. Возникла так называемая “Русская эмиграция первой волны” или “Белая эмиграция” (1917-1922 гг.), которая в годы гражданской войны приобрела огромный размах, а в дальнейшем приняла массовый характер. Часть беженцев направилась на восток – в Маньчжурию и Китай, но основная масса последовала на запад – в Европу, США и т.д. Для большинства стран Западной и Центральной Европы, столкнувшихся с экономическими трудностями и социальными последствиями Первой мировой войны, беженцы – эмигранты из России были бременем, которое затрудняло решение собственных общественно-политических и экономических вопросов. В то время, как волна эмиграции из России коснулась многих стран стихийно, молодая Чехословацкая республика все таки предлагала другой подход. Правительство страны заняло особую позицию по отношению к “русским” беженцам – начало целенаправленно регулировать их приток для того, чтобы сосредоточить в государстве лучшие культурные силы. В Чехословакии в сжатые сроки были созданы наиболее благоприятные условия для эмигрантов и утвердилась государственная программа масштабной помощи беженцам из России под названием “Программа помощи русским” (1921-1937 гг.). Благодаря значительной материальной помощи чехословацкого правительства и моральной поддержке чехословацких политических и общественных кругов, в стране были основаны десятки русских, украинских и белорусских учреждений и организаций, которые, по своей сути, носили культурно-просветительский характер, а их задачей было создание духовных и материальных ценностей и удовлетворение духовно-материальных потребностей эмигрантов. Правительство Чехословакии рассматривало “русскую” эмиграцию как фактор политической и культурной жизни, принимая во внимание традиционные русофильские настроения значительной части чешской и словацкой общественности, а также конкретные экономические интересы.

Ключевые слова: русские, украинские и белорусские беженцы – эмигранты, “Белая эмиграция”, русские военнопленные, репатриация, чехословацкая “Программа помощи русским”, Российская империя, Чехословакия в 1920-1930-е годы.

В 20-х годах XX в. в недавно появившейся Чехословакии осуществлялась одна из наиболее крупномасштабных в своем роде гуманитарных программ в истории чехословацкого государства и Европы того времени. Это была помощь тысячам так называемых русских эмигрантов – беженцам, которые в результате Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и изменения политической системы в России – установления большевистского режима и диктатуры пролетариата – а также германской и польской оккупации западной части бывшей империи и в последствие Гражданской войны были вынуждены покинуть свою страну и искать спасения в демократической Европе. Чехословацкая программа помощи “русским” беженцам – эмигрантам¹ основывалась не только на принципах гуманизма, братства, но, в первую очередь, на славянском единстве и принадлежности к центральноевропейскому и восточноевропейскому пространству.

Когда в XIX и в начале XX вв. эмиграция из Российской империи имела преимущественно экономический или религиозный характер, то по мере разгорания пожара мировой войны первостепенными становятся причины политические. Первые эмигранты появились сразу после вступления России в войну, Февральская революция и падение монархии углубили этот процесс (Серрапионова, 1995: 15). В связи с угрожающей внутривластной ситуацией в России страну начали покидать сотни тысяч граждан. Возникла так называемая “Русская эмиграция первой волны” или “Белая эмиграция” (1917-1922 гг.), которая в годы гражданской войны приобрела огромный размах, а в дальнейшем приняла массовый характер. Причины этого в основном были одни и те же. Это было несогласие с победой и властью большевиков, с новым общественным порядком (в первые дни они встретили мощную внутреннюю оппозицию, которая после создания воинских частей Белой гвардии приступила к военным действиям), а также страх насилия в годы гражданской войны, а после нее – страх последующих репрессий.

Уже после Февральской революции и отречения императора Николая II от престола, некоторые “русские” – прежде всего, семьи аристократов, приближенных ко двору – стали покидать родину, чтобы переждать “смутное время” за рубежом. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. масштаб эмиграции значительно увеличился (Бурега). Родину покидали политики, бывшие государственные деятели, предприниматели, интеллигенция. За границей осталась часть “русских” экспедиционных корпусов, военнопленные и интернированные, не пожелавшие возвращаться в Советскую Россию (Серрапионова, 1995: 16). Постоянно растущее число граждан покидало страну в различных направлениях и с отступающими армиями интервентов. Самая большая волна беженцев последовала за немецкими войсками, эвакуировавшимися с территории Украины и Белоруси на исходе 1918 г. Многие бежали в Китай из Поволжья и Сибири после поражения и раздела армии Колчака в 1918-1919 гг. Некоторые были вынуждены покинуть Одессу вслед за французским флотом в 1919 г. Пик исхода русских и представителей других народов бывшей Российской империи пришелся на 1920 г. – в феврале в связи с уходом из Северной области России англо-американских войск и по эвакуации частей Деникина из Новороссийска; в ноябре по падении последнего оплота белогвардейцев – Крыма и эвакуации остатков армии Врангеля вместе с гражданскими лицами в Турцию и Грецию (Сладек, 1993 28). В последующие годы количество эмигрирующих зависело от внутривластных шагов Советской России, а затем Советского Союза (за пределы страны были принудительно высланы многие инакомыслящие граждане).

Часть беженцев направилась на восток – в Маньчжурию и Китай, но основная масса последовала на запад – в Прибалтику, Финляндию, Польшу, Турцию, Чехословакию, Болгарию, Королевство СХС, Германию, Австрию, Францию, США и т.д. Основными

европейскими центрами, в которых в 20-30-х годах обосновались “русские” эмигранты, были Константинополь, Вена, Варшава, Белград, София, Париж, Берлин и Прага.

Общая численность “первой волны” оценивается по-разному. В 1924 г. великий князь Николай Николаевич заявил в Париже, что русская эмиграция по всем странам насчитывает около 3 млн. человек. По данным, собранным верховным комиссаром по делам беженцев при Лиге Наций Ф. Нансеном, в 1926 г. только в 11 странах Европы и Азии проживало свыше 1 миллиона 131 тысячи человек, эмигрировавших из России (Серапионова, 1995: 19). В современной литературе общая численность русских покинувших Россию в 1918-1922 гг. оценивается в 1,5-2 миллиона человек (около четверти из них принадлежали к Белым армиям, ушедшим в эмиграцию в разное время с разных фронтов) (Ионцев и др., 2001).

К этому количеству необходимо добавить русские меньшинства, которые еще перед большевистским переворотом обосновались в соседних странах Балтии, Польше, Румынии, Финляндии, а также в Маньчжурии, США, Канаде и Западной Европе. Таким образом, после 1917 г. за пределами Советской России оказалось около 10 млн. русских, не считая представителей других народов бывшей Российской империи (Harbul'ová, 1999: 9). По некоторым источникам, в 1930-х годах в европейских странах только украинцев насчитывалось около 600 000 человек.

В социальном отношении “русская” эмиграция не была однородной – состояла из представителей всех социальных слоев старого общества. Среди них, кроме открытых и активных врагов большевистской власти, командиров и солдат Белой армии, казаков, военных специалистов и служащих русской, украинской и белорусской администрации (речь идет в основном о высокообразованных людях) и широкого спектра членов различных политических партий, находилось и значительное количество ученых, сотрудников университетов, инженеров, врачей, священнослужителей, литераторов, музыкантов и других представителей интеллигенции и культурно-интеллектуального потенциала. Значительную долю также составляли простые “русские” люди, в основном, крестьяне. Общим для всех беженцев являлось ожидание скорого возвращения (тогда, в начале 1920-х годов, никто не знал, как долго продержатся у власти большевики). Эта вера была столь велика, что вызывала в пестрой эмигрантской массе сильное сопротивление дальнейшим попыткам ассимиляции (Сладек, 1993: 28).

Осознавая этот факт, советская большевистская власть объявила политическую амнистию для всех беженцев – эмигрантов из России и последующую программу по репатриации. Поскольку эта форма возвращения в целом была безуспешной², большевистское руководство пошло на крайние меры. Декретом от 15 декабря 1921 г. оно лишило гражданства всех беженцев, а также тех, которые проигнорировали призыв возвратиться на родину, не обратились в советские консульства и не подали заявления о выдаче советского паспорта до 1 июня 1922 г. (Státní občanství ČSSR, 1963: 129; Harbul'ová, 1999: 10). В результате этих действий “русские” эмигранты оказались не только людьми без родины, но фактически лицами вне закона, у них не было действительных документов, а без документов им оставалось только уповать на милость отдельных стран мира.

Следует подчеркнуть, что положение беженцев из России зависело от их страны пребывания. Однако в целом вопрос о юридическом положении так называемых русских эмигрантов не был решен, несмотря на очевидные попытки Лиги наций улучшить положение русской эмиграции введением так называемых паспортов Нансена³ или принятием международного соглашения о правах и защите эмигрантов из России. Можно констатировать, что вопрос о юридическом положении “русских” эмигрантов юридически и фактически остался нерешенным до 1945 г. (Бочарова, 2002).

Для большинства стран Западной и Центральной Европы, столкнувшихся с экономическими трудностями и социальными последствиями Первой мировой войны, эмигранты из России были бременем (или становились дополнительным фактором дестабилизации внутреннего положения), которое затрудняло решение собственных общественно-политических и экономических вопросов. После обострения проблемы эмиграции правительства европейских государств начали принимать конкретные меры по его решению, как правило, предлагая беженцам два выхода: либо возвращение в Советскую Россию (репатриацию), либо безоговорочное принятие гражданства страны пребывания (что, однако, в эмигрантской среде воспринималось как попытка ассимиляции). Ни первое, ни второе решения не были приемлемыми для беженцев и вызвали среди них бурю негодования.

* * *

Аналогичной была ситуация в Чехословацкой республике (ЧСР), которая имела огромные социально-экономические и внутривластные проблемы консолидации молодого государства и тоже боролась с трудностями репатриации “русских” военнопленных, унаследованных от Австро-Венгерской империи, но все-таки предлагала другой подход. В марте 1918 г. – к моменту подписания Брестского мира – на территории Австро-Венгрии находилось около 900 тыс. – 1,2 млн. “русских” военнопленных. Из них к концу войны были репатрированы только 60 тыс. человек (Zařková, 2013: 19, 135). Остальные очутились в странах, возникших на развалинах Австро-Венгерской империи. Общий хаос, который воцарился после крушения монархии, акцию репатриации военнопленных усложнил.

На территории Чехословакии были расположены в основном русские военнопленные, которые оказались на попечении Министерства национальной обороны ЧСР и были постепенно транспортированы обратно на родину. Однако их транспортировка проходила очень сложно. Коммуникации были во многих местах разрушены, большинство вагонов и локомотивов повреждено, проявлялся недостаток топлива, бензина и угля. Репатриационные пути преградили боевые действия, вспыхнувшие после распада Российской и Австро-Венгерской империй (Encyklopedie). Не все транспорты из-за ситуации того времени в регионе прибыли к месту назначения. Случалось, что некоторые из военнопленных вернулись и хотели в ЧСР остаться, “пока ситуация в России не успокоится”.

Репатриация всех бывших “русских” военнопленных, независимо от их национальности (охотные к отъезду в отчизну), была планирована до конца 1919 г. (Zařková, 2013: 137-138). Тем не менее, в конце февраля 1920 г. в ЧСР оставалось 7,5 тыс. русских военнопленных и более 5,1 тыс. интернированных украинцев, размещённых в отдельных лагерях и казармах (Терезин, Йосефов, Границе на Мораве, Хоцень, Прага, Немецке Яблоннэ). Министерства обороны и внутренних дел ЧСР жаловались, что их ряды пополняли бывшие военнопленные русской армии из других стран (в основном из Германии), нелегально истекающие в Чехословакию (Zasedání Národního shromáždění československého).

Между тем с 1919 г. начали в Чехословакии появляться “русские” беженцы. Сначала это были выходцы из Западной Украины и Западной Беларуси, а также из европейской части России и из Прибалтики. Вместе с чехословацкими легионерами в 1920-1921 гг. прибыли эмигранты из Сибири и Дальнего Востока (Буча, 2010). Активнее стали прибывать на рубеже 1920-1921 годов после эвакуации из Новороссийска и Крыма армии Врангеля. К тому же общественные деятели из числа беженцев обратились к чехословацкому правительству с просьбой предоставить нескольким тысячам “русских” эмигрантов возможность переселиться в ЧСР (Бурега). Значительная часть эмигрантов прибывала в страну нелегально.

В этой ситуации правительство Чехословакии заняло особую позицию по отношению к “русским” беженцам, решая ее в соответствии со своими внешнеполитическими приоритетами. Инициатором решения этой проблемы был чехословацкий президент Т.Г. Масарик, который вместе со своим окружением исходил из того, что репатриацию, а также ассимиляцию (денационализацию) большинство эмигрантов не приемлет. Поэтому президент предложил третий путь, который бы их защитил от вышеупомянутой депортации или ассимиляции. Коренное отличие положения эмигрантов из бывшей Российской империи в ЧСР по сравнению с положением эмигрантов в других странах состояло в том, что чехословацкое правительство начало целенаправленно регулировать их приток для того, чтобы сосредоточить в государстве лучшие культурные силы, которые после ожидаемого скорого падения большевистской власти подготовили бы новую интеллигенцию для будущей демократической России (Vidňanskýj, 1992: 372). Именно путь решения вопроса эмиграции в ЧСР в 1920-х годах и главная цель, которую преследовали инициаторы нового подхода к беженцам из России, значительно повысили авторитет Чехословакии в глазах всей Европы и стали для правительств других государств стимулом к пересмотру существующих взглядов на вопрос эмиграции (Vidňanskýj, 1997: 429).

В отличие от остальных государств Западной и Центральной Европы, в Чехословакии в сжатые сроки были созданы наиболее благоприятные условия для эмиграции из России. Правительство ЧСР рассматривало “русскую” эмиграцию как фактор политической и культурной жизни, принимая во внимание традиционные русофильские настроения значительной части чешской и словацкой общественности, а также конкретные экономические интересы (Vidňanskýj, 1992: 371). Официальные круги ЧСР пропагандировали свой подход и объясняли причины оказания помощи беженцам из России, которые, согласно их высказываниям, основывались на трех принципах: на идеях гуманизма, славянского единства и благодарности тысячам неизвестных “русских” героев, сражавшихся и павших в мировой войне за общие цели (Československá pomoc, 1924: 3). Не последнюю роль сыграли политические интересы и мотивация (гуманитарная помощь как выгодное помещение политического капитала).

На заседании, состоявшемся 28 июня 1921 г., чехословацкое правительство утвердило государственную программу масштабной помощи беженцам из России под названием “Программа помощи русским”⁴ (чеш. – Ruská pomocná akce) (Harbul'ová, 1999: 20). Конкретный план помощи был представлен МИД ЧСР Кабинету министров в ноябре 1921 г. Шефом “русской акции” стал уполномоченный представитель министра иностранных дел Э. Бенеша В. Гирса. Парламентскую комиссию, которая контролировала осуществление программы, возглавил А. Гайн (Буча, 2010).

Первоначально “Программа помощи русским” развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в России (Поволжье) и в Украине (1921-1922 гг.), второе – на решении проблемы беженцев, находящихся в Чехословакии. В основу второго направления были положены следующие принципы: военные формирования бывшей Российской империи не допускаются на территорию ЧСР, эмигранты должны оставить политическую деятельность, помощь должна оказываться на основе единой государственной программы, акция должна создать условия для нахождения эмигрантами средств к существованию.

С января 1922 г. в Советскую Россию и Украину были отправлены транспорты с лекарствами и продуктами (в целом на помощь голодающим было потрачено 13 млн. крон). Но в середине 1922 г. советскими властями была запрещена иностранная благотворительная деятельность в стране. Местные общественные организации были закрыты, а их сотрудники обвинены в контрреволюции. С этого времени под

“Программой помощи русским” подразумевались лишь действия по поддержке “русских” эмигрантов на территории Чехословакии (Сладек, 1993: 31-33). В этом плане предусматривалась не только гуманитарная, но и материальная помощь эмигрантам, а также создавалась продуманная система для создания условий, которые бы позволили эмигрантам жить в ЧСР и работать в области науки, техники, экономики, культуры и искусства.

“Программа помощи русским” имела ясные контуры ориентации. Она была направлена, во-первых, на поддержку демократических сил в среде эмиграции. Особенно благоприятными в Чехословакии были условия для эмигрантов-эсеров, движение которых считалось правительственными кругами республики наиболее перспективным. Во-вторых, акция была нацелена на поддержку академической, учебной, педагогической и исследовательской деятельности. Не случайно в то время говорилось о “русском Оксфорде” в Праге. В-третьих, акция была многонациональной – наряду с русской эмиграцией поддерживалась и эмиграция украинская, казацкая, белорусская, кавказская. В-четвертых, данная программа помощи была социально однородной. Она не ориентировалась на аристократию или предпринимательские круги, а опиралась преимущественно на интеллигенцию и сельский элемент (Савицкий, 2008; Буча, 2010).

Особая делегация правительства ЧСР была в 1921 г. отправлена в Константинополь с целью набрать первую группу эмигрантов в беженецких лагерях. Около 4 тыс. беженцев, в основном казаков, были приглашены в Чехословакию в качестве сельскохозяйственных работников. В константинопольских лагерях были набраны около 1 тыс. недоучившихся студентов (к тому времени в ЧСР уже находилось около 300 русских и 800 украинских учащихся). Впоследствии были приглашены русские и украинские преподаватели. Начиная с февраля 1922 г., массовый перевоз “русских” беженцев в Чехословакию был прекращен, и МИД ЧСР давало лишь индивидуальные разрешения на въезд отдельным лицам, в первую очередь студентам (Сладек, 1993: 33). Тем не менее численность “русских” беженцев постоянно возрастала вплоть до середины 1920-х годов (и за счет нелегально прибывающих в страну эмигрантов, особенно из Болгарии, Польши, Германии и других соседних стран) (Серрапионова, 1995: 20).

В то время, как волна эмиграции из России коснулась многих стран стихийно, в результате целенаправленной политики чехословацкого правительства структура эмиграции в ЧСР была значительно однороднее, чем в других странах. В республике сосредоточились высококвалифицированные кадры русской, украинской, белорусской и др. интеллигенции, преимущественно люди среднего возраста. В Прагу, Брно, Братиславу и другие города республики шел поток ученых, писателей, журналистов, врачей, инженеров, педагогов и общественных деятелей. Значительную часть эмиграции составляли студенты, однако количество крестьян было также ощутимым (Vidňanskýj, 1992: 373). В 1923 г. президент Т.Г. Масарик подчеркнул, что Чехословакия считает своей обязанностью сосредотачивать, обеспечивать и поддерживать остатки культурных сил эмигрантской среды и подготавливать новую демократическую интеллигенцию для будущей созидательной деятельности после возвращения на родину (Vidňanskýj, 1997: 429).

В Чехословакии “русская” эмиграция сосредоточилась в трех центрах: в Чехии (в основном в Праге, Острове, Брно, в их пригородах и других чешских и моравских городах), в Словакии (в Братиславе, Кошицах, Ладомирове) и Закарпатье. Точное число беженцев – эмигрантов в ЧСР определить трудно. Согласно некоторым данным, в начале 1920-х годов в ЧСР проживало около 23 тыс. русских, украинских, белорусских, армянских, грузинских эмигрантов и представителей других народов бывшей царской России, в 1926 г. – 17 тыс. человек, в последующие годы число снизилось, и в 1939 г. в стране проживало незначительное количество эмигрантов – 8 тыс. человек (Tejchmanová, 1991: 274). Общепринятой является точка зрения, что в 1920-1930-е годы количество

“русских” эмигрантов в ЧСР составляло от 10 тыс. до 40 тыс. человек. Во всяком случае, по данным, предоставленным чехословацким правительством Ф. Нансену, в 1925-1926 гг. в ЧСР проживало 30 тыс. “русских” (русские, украинцы, белорусы и др.) и 200 человек армян. К концу 1920-х годов эта цифра, по данным того же Ф. Нансена, снизилась до 14 тыс. человек. Таким образом, “сравнивая численность “русской” колонии в ЧСР с другими странами, можно прийти к выводу, что она не была столь уж велика, и ЧСР занимала лишь 11-е место в списке 20 стран, принимавших эмигрантов из бывшей Российской империи” (Серапионова, 1995: 21). Однако ни одно европейское государство не имело такой исчерпывающей программы помощи “русским”, сопоставимой с той, которую реализовало правительство ЧСР (Протасова, 2012: 133).

Благодаря значительной материальной помощи чехословацкого правительства и моральной поддержке политических и общественных кругов ЧСР, были основаны десятки русских, украинских и белорусских учреждений и организаций, которые, по своей сути, носили культурно-просветительский характер, а их задачей было создание духовных и материальных ценностей и удовлетворение духовных и материальных потребностей эмигрантов.

* * *

В целом в период между двумя мировыми войнами в ЧСР была наиболее многочисленной украинская эмиграция. В то же время была неоднородной как в политическом, так и в географическом плане, тем не менее, подавляющее большинство составляла интеллигенция. Ряды украинской эмиграции увеличивались за счет притока эмигрантов из Австрии и Польши, где экономические и политические условия жизни были весьма сложными. В 20-30-х годах в Чехословакии, кроме украинских эмигрантских политических организаций и военных объединений, действовали десятки научных учреждений⁵. Все украинские школы, организации и учреждения в ЧСР появились только благодаря поддержке, оказанной в рамках “Программы помощи русским”. В ЧСР были широко представлены студенты, прибывшие из Украины⁶. В этой связи можно заметить, что в это время Чехословакия, а особенно Прага, стала наряду с Харьковом, Киевом и Львовом одним из центров украинской культурной, научной и даже общественно-политической жизни. Вплоть до 1945 г. Прага была одним из самых активных очагов украинской эмиграции (Vidňanský, 1992: 373-374).

С другой стороны, и русскими эмигрантами в ЧСР были основаны многочисленные научные учреждения⁷. Прага была известна как центр русской издательской деятельности и вместе с Берлином и Парижем относилась к наиболее известным издательским центрам русской эмигрантской диаспоры. К примеру в 1920-1940-х годах в Праге выпускалось около 100 русскоязычных журналов и 200 газет (Harbul'ová, 1999: 24).

Кроме разнообразия культурной, научной и общественной жизни русской эмигрантской среды также наблюдалась активная политическая деятельность, несмотря на то, что одним из условий пребывания эмигрантов в ЧСР было требование не заниматься политической деятельностью и не создавать политические группировки. Но определенная часть эмигрантского сообщества не смогла отойти от политической деятельности, которая, впрочем, быстро пошла на убыль, в основном, в 1930-х годах в связи с победой нацистов в Германии. После прихода А. Гитлера к власти в результате его деятельности, угрожающей Центральной и Восточной Европе, русская эмиграция распалась на два идеологических течения: на приверженцев и противников обороны СССР. Последние даже видели спасение России и вообще славян в объединении с гитлеровской Германией (Tejchmanová, 1991: 286).

По сравнению с русскими и украинцами белорусы были в Чехословакии значительно менее многочисленной группой. Только со второй половины 1921 г. можно

говорить о формировании белорусской диаспоры в ЧСР. С этого времени начался целенаправленный приезд белорусов как стипендиатов чехословацкого правительства на учебу в ЧСР. Наибольшее количество белорусов приехало в ЧСР в 1921-1923 гг. Их общее количество оценивается в несколько сотен человек (Kolenovská, 2007: 85-88). Студенты в общей массе белорусской диаспоры в Чехословакии составляли более 90%. Это было главным отличием белорусской диаспоры от русской и украинской, у которых роль и количество представителей старшего поколения были намного больше. Лишь в конце 1923 г. белорусская колония в ЧСР пополнилась влиятельной частью белорусских политических деятелей, которые представляли правительство БНР в изгнании и переехали в Прагу на постоянное местожительство. Наряду с земляческой организацией – Белорусской громадой в Праге – был создан целый ряд общественных организаций различной политической окраски (Белорусский студенческий кружок им. Ф. Скорины, Белорусский крестьянский союз в Праге, Объединение белорусского поступового студенчества), между которыми наблюдалось идеологическое противостояние и столкновение интересов различных групп белорусского национального движения (А. Цвикевича, В. Ластовского, А. Луцкевича). Центробежные тенденции, которые доминировали в белорусской диаспоре в Чехословакии, отрицательно повлияли на продуктивность работы различных организаций и оптимальное использование возможностей, предоставленных правительством ЧСР (Буча, 2010).

* * *

В результате изменений внешнеполитического масштаба на рубеже 20-30-х годов XX в. в политике чехословацкого правительства в отношении “русской” эмиграции произошел определенный переворот. Кроме экономических трудностей 1930-х годов, следует указать и другие причины внутривнутриполитического и международного характера, которые повлияли на позицию государственных и политических органов особенно в отношении украинской эмигрантской среды.

Во-первых, следует упомянуть об обострении внутривнутриполитической борьбы в ЧСР во второй половине 1920-х и в начале 1930-х годов, перегруппировке политических сил в чехословацком парламенте и правительстве, росте влияния чешских народных социалистов, которые традиционно придерживались прорусской ориентации. Во-вторых, в результате обострения международной политической ситуации, наступления фашизма и нацизма и подписания договора о взаимной помощи между ЧСР и СССР, который враждебно относился к украинским сепаратистским настроениям, а также сведений, полученных правительством ЧСР о том, что некоторые представители украинской эмиграции принадлежат к недавно созданной (в Вене в 1929 г.) Организации украинских националистов, которая поддерживает политические контакты с представителями нацистской Германии. Поэтому чехословацкие правящие круги были вынуждены занять выжидательную позицию в отношении украинской эмиграции в республике. Кроме того, против поддержки украинской эмиграции со стороны правительства ЧСР остро и однозначно высказались правительства Польши и СССР. И наконец, в-третьих, одной из главных причин изменения политики правительства ЧСР по отношению к украинской эмиграции было постоянное негативное развитие политико-культурных процессов в Закарпатье, где с конца 1920-х годов при активном участии украинских эмигрантов углублялась проукраинская ориентация⁸, что оценивалось в Праге как проявление неповиновения и угроза государственной целостности (Vidňanskýj, 1992: 385).

В последствии полиция ЧСР постоянно держала украинскую эмиграцию под контролем, соответствующим образом реагировала на проявления неповиновения или антигосударственной деятельности и принимала жесткие меры против нарушителей порядка. В то же время в республике были ужесточены антиэмиграционные законы, а

также постоянно проводились проверки, контроль и составлялись ежегодные отчеты о положении, проживании и деятельности эмигрантов на местах, особенно в 1930-х годах.

“Программа помощи русским” была весьма обременительной и требовала значительных финансовых средств. В целом в 1921-1937 гг. правительство ЧСР выделило на эту программу 508 034 511 чехословацких крон (Сладек, 1993: 36). По другим данным – 616 млн. крон (Кишкин, 1995: 18). Реализация “Программы помощи русским” становилась для Чехословакии все более непосильным бременем. Раздавались критические голоса, особенно из рядов левых и коммунистических сил, поэтому с 1927 г. в МИД-е началась подготовка плана постепенного сворачивания этой программы. Дальнейшее снижение капиталовложений для “русских” эмигрантов было вызвано обострением политических, экономических и социальных проблем, связанных с экономическим кризисом в начале 1930-х годов. Признание Чехословакией СССР в 1934 г. и последующее подписание чехословацко-советского союзнического соглашения 1935 г. официально положило конец “Программе помощи русским”. Впоследствии чего после 1934 г. делами эмигрантов, проживающих на территории ЧСР, занимался Чехословацкий Красный крест. В 1937 г. попечение эмигрантов было возложено на Министерство социальной защиты ЧСР (Harbuľová, 1999: 22). Именно это способствовало снижению уровня “русской” эмиграции в Чехословакии. Часть эмигрантов стали перебираться в другие, прежде всего западные страны. Остальные взяли курс на получение чехословацкого гражданства и последующую ассимиляцию в чехословацком обществе.

14 марта 1939 г. в силу известных причин Чехословацкая республика прекратила свое существование. Чехия оказалась в когтях гитлеровского Протектората Чехии и Моравии, Закарпатье было оккупировано хортистской Венгрией, а в Словакии было создано Словацкое государство (с 21 июля 1939 г. Словацкая республика). Русские и украинские эмигранты, которые оказались на территории, оккупированной Германией и Венгрией, и не перешли на сторону нацизма, разделили участь остальной части населения. В независимой Словакии их положение было все же иное.

* * *

Словацкая республика (1939-1945 гг.) проявляла большой интерес к установлению контактов с эмигрантскими или просто антисоветскими организациями и движениями сопротивления народов СССР. Положение русских и украинских эмигрантов было относительно прочным в словацком обществе и государственных службах. Во время войны в Словакии издавались книги русских (несоветских) авторов, что в Европе, находящейся под властью немцев, не было само собой разумеющимся. Правительство страны преподносило это как сотрудничество с “Другой”, т. е. небольшевистской Россией. Это сотрудничество с русской, а тем более украинской политической альтернативной силой, разумеется, не могло выходить за рамки, определенные немецкими планами (Šmihula, 1998: 13).

Более того, в августе 1944 г. словацкое правительство при согласии Германии приняло на постоянное жительство около 20 тыс. украинских и русских беженцев, которые в результате мощного наступления советских войск на восточном (советско-германском) фронте прибыли с территории генерал-губернаторства (Восточной Польши и Западной Украины), особенно из Галиции (Šmigel', Mičko, 2006).

Продвижение линии фронта через чехословацкую территорию и присутствие частей советской Красной армии в ЧСР для русской и украинской эмиграции означало то, чего она больше всего опасалась. После освобождения Чехословакии все “русские” учреждения, культурно-просветительские и научные заведения, организации, которые были созданы усилиями эмигрантов на территории ЧСР в 1919-1945 гг., были ликвидированы как “антисоветские” и “буржуазно-националистические”. В результате сотрудничества советских и чехословацких органов в послевоенные годы (1945-1950)

в Чехословакии осуществлялась крупномасштабная акция по возвращению на родину и последующая массовая репатриация всех лиц, имеющих что-либо общее с бывшей царской Россией или СССР. Поиск, поимка и депортация лиц “русского происхождения” – потенциальных советских граждан, находящихся на территории республики, проходили в несколько этапов, что, в конечном итоге, означало полную ликвидацию “русской” эмиграции в Чехословакии (Šmigel', 2014; Шмигель, 2014).

Примечания:

¹ В дальнейшем выражение “русские” беженцы (эмигранты) употребляется как нейтральное обозначение граждан (независимо от фактической национальной принадлежности) бывшей Российской империи.

² Аксию по репатриации проводил “Союз возвращения на Родину” и его филиалы в отдельных центрах эмиграции в Европе. Часть эмиграции, по разным объективным или субъективным причинам, благодаря пропаганде вернулась на родину. В течение 1921-1931 гг. таким способом было репатрировано около 180 тыс. человек. Однако с “возвращенцами” советские органы поступали в основном согласно одному сценарию. Бывшие офицеры, военные чиновники и солдаты были расстреляны сразу после возвращения, другие скончались в лагерях на Севере и Востоке СССР. Так проявились истинные планы против эмигрантов – в понимании большевиков – предателей родины.

³ Паспорт Нансена – специальный юридический документ, предоставляющий владельцу статус бездомного с правами гражданина страны или привилегированного иностранца (с возможностью жить за границей без гражданства). С октября 1923 г., а в массовом количестве с 1924 г., паспорт выдавался эмигрантам из бывшей царской России и интенсивно использовался, в основном, русской и украинской эмиграцией. Свое название паспорт получил в честь Ф. Нансена (1861-1930), занимавшего в то время пост комиссара Лиги наций по делам русских беженцев и являвшегося основателем Женевского комитета международного центра для помощи эмигрантам из России.

⁴ В литературе “Программа помощи русским” обозначается также как “русская акция”, “русская акция помощи” или “русская вспомогательная акция”.

⁵ Наиболее крупные: Украинский свободный университет, Украинская педагогическая академия им. М. Драгоманова, Украинский институт общественных наук в Праге, Украинская сельскохозяйственная академия в Подебрадах, Украинская научная ассоциация, Украинское историко-философское общество, Украинское юридическое общество, Украинское педагогическое общество, Союз украинских врачей, Союз украинских инженеров, Музей освободительной борьбы Украины и т.д.

⁶ Только в 1924 г. в ЧСР учились 6341 украинских и русских студентов, из них 4663 студентов высших учебных заведений. В 1928 г. их количество начало уменьшаться, а в 1931 г. насчитывалось только 500 студентов. Всего в 20-х годах XX в. в ЧСР училось 60% всех русских студентов в изгнании, в Югославии – 20%, во Франции – 8%, в США – только 2%.

⁷ Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русский институт торговли, Русский народный университет, Русский институт связи, Русская гимназия в Праге, Автомобильная и тракторная школа, а также Русский заграничный архив, Экономический кабинет Прокоповича, Институт по изучению России, Русский научно-исследовательский институт сельскохозяйственных культур, Археологический семинар Кондакова, Архив донских казаков, Русская народная библиотека, Русский культурно-исторический музей, казаческие объединения и т.д.

⁸ Украинские эмигранты чувствовали себя в Закарпатье не гостями, которых приняло чехословацкое правительство, а местным населением. Они активно включились в процесс культурной и просветительской работы среди местных русинов. На протяжении 20-30-х годов украинские эмигранты своеобразным способом культивировали украинские ценности, сопровождая их украинизацией политической и культурной сферы, а также общественной жизни. Именно эта часть эмиграции, мечтавшая о независимости Украины (а осуществить это в Украине в то время было невозможно) пыталась создать государство на чужой территории – украинское националистическое государство в изгнании. В этих условиях проукраинско-националистическим элементом удалось постепенно проникнуть в закарпатскую политику и в момент падения 2-й Чехословацкой республики, в ночь с 14 на 15 марта 1939 г., переименовав Закарпатье в Карпатскую Украину, заявить о ее выходе из ЧСР (сразу после чего Закарпатье было оккупировано хорватской Венгрией).

Литература:

Бочарова, 2002 – Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920-1930-е гг. / Сетевой журнал “История”. 2002. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/2002/02/1.htm> (дата обращения 12.2.2017).

Бурега – Бурега В.В. “Русская акция” Чехословацкого правительства и церковная жизнь русской эмиграции (1920-30-е гг.) // Информационно-аналитический портал Воцерковление.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/stranicwistorii/1937-l-r-----1920-30--.html> (дата обращения 19.12.2016)

Буча, 2010 – Буча А.И. Начальный этап “русской акции” чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии (1921-1923 гг.) // Российские и славянские исследования. Выпуск 5. Минск: БГУ, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsijournal.net/nachalnyj-etap-russkoj-akcii-chexoslovackogo-pravitelstva-i-organizacionnoe-oformlenie-beloruskoj-diaspory-v-chexoslovakii-1921-1923-gg/>

Ионцев и др., 2001 – Ионцев В.А. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков. М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. 490 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/> (дата обращения 12.11.2016).

Кишкин, 1995 – Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920-1930-е годы) // Славяноведение. 1995. №4. С. 17-26.

Протасова, 2012 – Протасова Е.Ю. “Акция помощи” русским эмигрантам в Чехословакии 1920-1930-х годов в современной историографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. №1. С. 133-135.

Савицкий, 2008 – Савицкий И. Начало “Русской акции” // “Новый Журнал” Литературно-художественный журнал русского зарубежья. 2008. № 251 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/251/> (дата обращения 10.3.2017).

Серапионова, 1995 – Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 197 с.

Сладек, 1993 – Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие “Русской акции” // Славяноведение. 1993. №4. С. 28-38.

Шмигель, 2014 – Шмигель М. Советская репатриационная операция в Словакии (1944-1950 гг.) как фактор последствий войны // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память. М.; СПб.: Нестор История, 2014. С. 257-269.

Československá pomoc, 1924 – Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci. Praha: Nakl. vlastníem vydalo Ministerstvo zahraničních věcí, 1924. 128 s.

Encyklopedie – Encyklopedie válečného zajetí a internace Czech Republic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evzi.estranky.cz/clanky/mista-zajeti-a-internace-1914-1921/zajatecke-tabory-na-uzemi-rakouskouherske-monarchie-a-na-okupovanych-uzemich--1914-1918/valecni-zajatci-v-rakouskouhersku-1914-1918/repatriace.html> (дата обращения 13.2.2017).

Harbuľová, 1999 – Harbuľová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918-1945. Prešov: Metodické centrum, 1999. 46 s.

Kolenovská, 2007 – Kolenovská D. Běloruská emigrace v Československu (1918-1938) // Soudobé dějiny. 2007. Vol. XIV. № 1. S. 78-93.

Státní občanství ČSSR, 1963 – Státní občanství ČSSR. Ucelený výklad právních předpisů, upravujících československé státní občanství / J. Černý, V. Červenka. Praha: Orbis, 1963. 247 s.

Šmihula, 1998 – Šmihula D. Orientácia na ruskú alternatívu. Rusi a Ukrajinci na Slovensku // Literárny týždenník. 1998. Vol. 11. № 43. S. 13.

Šmigel', Mičko, 2006 – Šmigel' M., Mičko P. Evakuácia v znamení úteku. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2006. 120 s.

Šmigel', 2014 – Šmigel' M. Sovietska repatriáčna akcia a jej špecifiká na Slovensku (1944-1952) // Migračné procesy Slovenska (1918-1948). Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela – Belianum, 2014. S. 452-471.

Tejchmanová, 1991 – Tejchmanová S. Politická činnosť ruské emigrácie v Československu v letech 1920-1939 // Slovanský přehled. 1991. Vol. 77. № 4. S. 273-287.

Vidňanskýj, 1997 – Vidňanskýj S. Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918-1948 // Historický časopis. 1997. Vol. 45. № 3. S. 420-439.

Vidňanskýj, 1992 – Vidňanskýj S. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku // Historický časopis. 1992. Vol. 40. № 3. S. 370-385.

Zasedání Národního shromáždění československého – Zasedání Národního shromáždění československého r. 1920. Tisk 2518. Odpověď ministra vnitra spolu s ministrem národní obrany na dotaz člena Národního shromáždění Dr. Fr. Krejčího a společníků (č. tisku 1788) o nedovolené agitaci ruských válečných zajatců. // Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psp.cz/eknih/1918ns/ps/tisky/T2518_00.htm (дата обращения 10.3.2017).

Zaťková, 2013 – Zaťková J. Zabudnutí vojáci. Zajatci v oblasti Vojenského velitel'stva Bratislava 1914-1918. Bratislava: VHU, 2013. 176 s.

References:

Бочарова, 2002 – Bocharova Z.S. Pravovoe polozhenie russkikh bezhentsev na Zapade v 1920-1930-e gg. [The legal status of Russian refugees in the West in the 1920s-1930s.] // Setevoi zhurnal “Istoriya”. 2002. № 2. URL: <http://his.1september.ru/2002/02/1.htm> (дата obrashcheniya 12.2.2017).

Бурера – Бурера В.В. “Russkaya aktsiya” Chekhoslovatskogo pravitel'stva i tserkovnaya zhizn' russkoi emigratsii (1920-30-e gg.) [“Russian action” of the Czechoslovak government and the church life of the Russian emigration (1920-30s)] // Informatsionno-analiticheskiy portal Vocerkovlenie.ru URL: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/stranicwistorii/1937-l-r-----1920-30--.html> (дата obrashcheniya 19.12.2016)

Буча, 2010 – Bucha A.I. Nachal'nyi etap "russkoi aksii" chekhoslovatskogo pravitesstva i organizatsionnoe oformlenie belorusskoi diaspori v Chekhoslovakii (1921-1923 gg.) [The initial stage of the "Russian action" of the Czechoslovak government and the organizational design of the Belarusian diaspora in Czechoslovakia (1921-1923)] // Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya. Vypusk 5. Minsk: BGU, 2010. URL: <http://www.rsjournal.net/nachalnyj-etap-russkoj-akcii-chexoslovackogo-pravitelstva-i-organizacionnoe-oformlenie-belorusskoj-diaspori-v-chexoslovakii-1921-1923-gg/>

Ионцев и др., 2001 – Iontsev V.A. Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii [Emigration and repatriation in Russia] / V.A. Iontsev, N.M. Lebedeva, M.V. Nazarov, A.V. Okorokov. M.: Popechitesstvo o nuzhdakh Rosiyskikh repatriantov, 2001. 490 s. URL: <http://www.cisdf.org/TRM/Iontzev/> (data obrashcheniya 12.11.2016).

Кишкин, 1995 – Kishkin L.S. Russkaya emigratsiya v Prage: kusturnaya zhizn' (1920-1930-e gody) [Russian emigration in Prague: cultural life (1920-1930s)] // Slavyanovedenie. 1995. № 4. S. 17-26.

Протасова, 2012 – Protasova E. Yu. "Aksiya pomoshchi" russkim emigrantam v Chekhoslovakii 1920-1930-kh godov v sovremennoi istoriografii ["Action aid" Russian emigrants in Czechoslovakia 1920-1930-ies in modern historiography] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2012. № 1. S. 133-135.

Савицкий, 2008 – Savitskiy I. Nachalo "Russkoi aksii" [The beginning of the "Russian action"] // "Novyi Zhurnal" Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal russkogo Zarubezhya. 2008. № 251. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/251/> (data obrashcheniya 10.3.2017).

Серापionoва, 1995 – Serapionova E.P. Rossiiskaya emigratsiya v Chekhoslovatskoi respublike [Russian emigration in the Czechoslovak Republic]. M.: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1995. 197 s.

Сладек, 1993 – Sladek Z. Russkaya emigratsiya v Chekhoslovakii: razvitie "Russkoi aksii" [Russian emigration in Czechoslovakia: the development of the "Russian action"] // Slavyanovedenie. 1993. № 4. S. 28-38.

Шмигель, 2014 – Shmigel' M. Sovetskaya repatriatsionnaya operatsiya v Slovaki (1944-1950 gg.) kak faktor posledstviya voyny [Soviet repatriation operation in Slovakia (1944-1950) as a factor of the consequences of the war] // Sotsial'nye posledstviya voyn i konfliktov XX veka: Istoricheskaya pamyat'. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. C. 257-269.

Československá pomoc, 1924 – Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci [Czechoslovak aid to Russian and Ukrainian emigration]. Praha: Načkl. vlastním vydalo Ministerstvo zahraničních věcí, 1924. 128 s.

Encyklopedie – Encyklopedie válečného zajetí a internace Czech Republic [Encyclopedia of War Captivity and Intercourse Czech Republic]. URL: <http://www.evzi.estranky.cz/clanky/mista-zajeti-a-internace-1914-1921/zajatecke-tabory-na-uzemi-rakouskouherske-monarchie-a-na-okupovanych-uzemich--1914-1918/valecni-zajatici-v-rakouskouhersku-1914-1918/repatriace.html> (data obrashcheniya 13.2.2017).

Harbul'ová, 1999 – Harbul'ová E. Ruská porevoluční emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918-1945 [Russian post-revolution emigration in Europe and the world. Centers and post-October political emigration from Russia in 1918-1945]. Prešov: Metodické centrum, 1999. 46 s.

Коленовский, 2007 – Kolenovskij D. Běloruskij emigrace v Československu (1918-1938) [Belarusian emigration in Czechoslovakia (1918-1938)] // Soudobé dějiny. 2007. Vol. XIV. № 1. S. 78-93.

Státní občanství ČSSR, 1963 – Státní občanství ČSSR. Ucelený výklad právních předpisů, upravujících československé státní občanství [Citizenship of the Czechoslovak Socialist Republic. Comprehensive interpretation of legislation governing Czechoslovak citizenship] / J. Černý, V. Červenka. Praha: Orbis, 1963. 247 s.

Šmihula, 1998 – Šmihula D. Orientácia na ruskú alternatívu. Rusi a Ukrajinci na Slovensku [Orientation to the Russian alternative. Russians and Ukrainians in Slovakia] // Literárny týždenník. 1998. Vol. 11. № 43. S. 13.

Šmigel', Mičko, 2006 – Šmigel' M., Mičko P. Evakuácia v znamení úteku [Evacuation in the sign of escape]. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2006. 120 s.

Šmigel', 2014 – Šmigel' M. Sovietska repatriácia akcia a jej špecifiká na Slovensku (1944-1952) [Soviet Repatriation Action and Its Specifics in Slovakia (1944-1952)] // Migračné procesy Slovenska (1918-1948). Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela – Belianum, 2014. S. 452-471.

Tejchmanová, 1991 – Tejchmanová S. Politická činnosť ruskej emigrácie v Československu v letech 1920-1939 [Political activity of Russian emigration in Czechoslovakia in 1920-1939] // Slovanský přehled. 1991. Vol. 77. № 4. S. 273-287.

Vidňanskij, 1997 – Vidňanskij S. Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918-1948 [Ukraine and the Ukrainian question in the Czech-Slovakian politics in 1918-1948] // Historický časopis. 1997. Vol. 45. № 3. S. 420-439.

Vidňanskij, 1992 – Vidňanskij S. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku [Ukrainian emigration in the inter-war Czech-Slovak Republic] // Historický časopis. 1992. Vol. 40. № 3. S. 370-385.

Zasedání Národního shromáždění československého – Zasedání Národního shromáždění československého r. 1920. Tisk 2518. Odpověď ministra vnitra spolu s ministrem národní obrany na dotaz člena Národního shromáždění Dr. Fr. Krejčího a společníků (č. tisku 1788) o nedovolené agitaci ruských válečných zajatců [Meeting of the National Assembly of the Czechoslovak Republic in 1920. Press 2518. The Minister of the Interior's reply, along with the Minister of National Defense, at the request of a member of the National Assembly, Dr. Fr. Krejček and Companions (No. 1788) on the unlawful agitation of Russian prisoners of war] // Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna. URL: http://www.psp.cz/eknih/1918ns/ps/tisky/T2518_00.htm (data obrashchenia 10.3.2017).

Zat'ková, 2013 – Zat'ková J. Zabudnutí vojaci. Zajatci v oblasti Vojenského velitel'stva Bratislava 1914-1918 [Forgotten soldiers. Prisoners in the area of the Military Command Bratislava 1914-1918]. Bratislava: VHÚ, 2013. 176 s.